



Амелия Роуз

Кто-то шепчет в темноте

<https://litres.ru/74296093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сирота Элеонор всю жизнь чувствовала себя чужой — пока не получила письмо, перевернувшее её мир: она наследница загадочного дома в маленьком городке. Отправившись навстречу неизвестности, девушка надеется обрести корни но находит куда больше, чем просто наследство.

Дом на окраине, окутанный туманом и тайнами, хранит мрачные секреты её бабушки и пробуждает в Элеонор древнюю силу.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кто-то шепчет в темноте

Глава

Что делать сироте оказавшейся в такой ситуации, попала я в приют после смерти моей мамы, мне было пять лет. И вот сейчас мне приходит письмо в котором говорится что я после своего совершеннолетия стану наследницей дома двоюродной бабушки в маленьком городке. Я была в шоке ведь я не знала ничего об этой бабушки, да и вообще не знала что она есть. может и правда лучше будет уехать в маленький городок, ведь мне всегда хотелось тишины, чтобы спокойно писать картины. И было у меня предчувствие что там моя жизнь изменится и мне придётся многое пережить и пройти. Каждый день я была занята поисками хоть какой-нибудь информации об этом доме и о моей покойной бабушке, но ничего не было, ведь такое же просто не возможно. Элеонор сложила письмо, аккуратно вернула его в конверт и провела пальцем по тиснёному уголку — словно надеялась нащупать в этой бумаге хоть крупицу чужой жизни, которая могла бы стать её собственной. В комнате приюта, где она прожила почти всю свою сознательную жизнь, всё было привычно до боли: потёртый стул у окна, мольберт с недописанной картиной, стопка книг на полке. Но теперь эта привычность вдруг стала давить, будто стены сужались, а воздух делался

гуще. Она подошла к окну и посмотрела на серый двор, где дети бегали под морозящим дождём, смеялись и не знали, что мир может разом перевернуться от одного письма. Элеонор улыбнулась им чуть дрогнувшими губами — и вдруг поняла, что больше не хочет быть здесь. Не потому, что ей было плохо, а потому, что она устала быть «одной из». Устала быть девочкой, о которой все знают, что она сирота, и поэтому смотрят с одинаковой смесью жалости и отстранённости. «Маленький городок... тишина... дом бабушки...» — эти слова крутились в голове, как заклинание. Она достала блокнот и записала: «Поезд в четверг. Билет. Вещи. Холсты. Краски».

Рука дрожала, но почерк оставался ровным — привычка держать себя в руках, выработанная годами, не подводила. На следующий день Элеонор отправилась в городскую библиотеку — последнее место, где могла сохраниться хоть какая-то крупица информации о её семье. Библиотекарь, седой мужчина с добрыми глазами, долго листал старые папки, пока наконец не нашёл пожелтевшую вырезку из местной газеты. — Вот, смотри, — протянул он ей хрупкую страницу. — «Двоюродная бабушка Элеонор, Вероника-Анна Роузенд де Горгроуф, известная своими коллекциями старинных книг и любовью к садоводству, покинула город двадцать лет назад, оставив дом под присмотром местного сторожа. Дом на окраине, у старого леса, местные называют его Домом у тумана — говорят, что по утрам над крышей всегда висит лёг-

кая дымка, будто дом не хочет расставаться с тайной». Элеонор вцепилась взглядом в строчки, будто боялась, что они исчезнут, если она моргнёт. Вероника- Анна Роузенд де Горгроуф...» — имя звучало странно, почти сказочно, и в то же время — родственно. Будто эхо из прошлого, которое наконец решило отозваться. — А сторож... он ещё жив? — еле слышно спросила она. Библиотекарь кивнул: — Да, старик Маркус до сих пор там. Говорят, он ни разу не пропустил ни дня — будто ждёт кого-то. Или чего-то. В поезде, мчавшемся сквозь поля и леса, Элеонор смотрела на мелькающие пейзажи и думала о том, что, возможно, этот дом — не просто наследство. Возможно, это ключ. Ключ к тому, чтобы наконец перестать быть просто сиротой, девочкой из приюта, и стать кем-то большим. Стать той, кто знает своё прошлое. Когда поезд остановился на маленькой станции, где даже платформа казалась временной, Элеонор вышла и глубоко вдохнула влажный, пахнувший хвоей и дождём воздух. Городок был тихим, почти безмолвным, будто сам берег свои секреты. Узкие улочки, старые дома с резными наличниками, редкие прохожие, которые кивали ей, не задавая лишних вопросов. Она шла по направлению к окраине, туда, где, по словам библиотекаря, начинался лес и стоял тот самый дом. И чем ближе она подходила, тем сильнее становилось странное чувство — будто кто-то или что-то уже знало, что она придёт. Дом стоял на опушке, наполовину скрытый деревьями. Он был не таким, как на старых фотографиях, которые

Элеонор успела найти в интернете, — он был живым. Старым, но не заброшенным: окна блестели, будто их недавно мыли, на крыльце лежала свежая ветка можжевельника, а на двери висел венок из сухих трав. И тут дверь распахнулась. На пороге стоял старик в потрёпанном пальто — Маркус, тот самый сторож. Его глаза, выцветшие от времени, смотрели на неё с таким узнаванием, будто он ждал её всю жизнь. — Вероника говорила, что ты придёшь, — проговорил он тихо, почти шёпотом, и от этих слов у Элеонор по спине пробежал холодок, в котором смешались страх и долгожданное облегчение. — Заходи. Дом ждал тебя. Он отступил от дверей пропуская меня внутрь, мы прошли на просторную кухню, где пахло корицей и ванилью. Я вдохнула этот аромат. Маркус посмотрел на меня и произнёс: Ну присаживайтесь юнная Мисс Элеонор, сейчас выпьем любимого чая вашей почившей в мир бабушки и попробуйте обязательно эти прелестные витки. И скоро должен подойти Адам он поможет вам больше узнать о ней. Я присела и отпила чай, очень вкусный и ароматный. Мм очень вкусный. Улыбнувшись сказала я. Да, Агата его очень любила, говорила что он придаёт ей силы. Произнёс Маркус. Агата? Переспросила я. О, простите Мисс я так привык к её этому имени. Она не любила своё настоящее имя. В дверь постучали. О, это Адам, вот ведь как будто знал что витки сегодня будут. Произнёс Маркус. И пошёл к дверям. Я откусила булочку, о Боже какая вкусная, надо же вкуснее чем в пекарне возле нашего приюта. На

кухню зашёл высокий и красивый парень. Я встала и протянула руку. : Элеонор. Произнесла я. — Адам. Слегка пожав мою руку ответил он. Мы попили чай в полной тишине, затем Маркус провёл мне небольшую экскурсию по дому, саду. Через несколько дней мы с Адомом отправились в архив. 2026 год. Город будто застыл между прошлым и будущим: старые дома с резными наличниками соседствовали с аккуратными солнечными панелями на крышах, а по улицам изредка проезжали бесшумные электрокары. Элеонор шла по брусчатке, сжимая в руке распечатку из архива — ту самую, где чёрным по белому значилось: Вероника Анна Роузенд де Горгроуф. Рядом шагал Адам — в джинсах, худи и с рюкзаком, из которого торчал планшет. Для городка он был почти своим, но всё равно оставался чужаком: приехал три года назад, устроился в архив, потому что любил «копаться в чужом прошлом» и говорил, что «в старых бумагах больше жизни, чем в соцсетях». — Ты уверена, что хочешь это услышать? — спросил он, покосившись на неё. В его голосе не было ни давления, ни снисхождения — только искреннее беспокойство. Элеонор кивнула, не глядя на него. Она боялась, что если остановится, если посмотрит ему в глаза, то струсит. — Да. Я столько лет жила с ощущением, что у меня нет корней. А теперь вдруг появляется имя — такое длинное, будто в нём спрятана целая история. И я хочу знать, что оно значит. Адам чуть замедлил шаг, когда они свернули на тропинку, ведущую к дому на окраине. — Знаешь, в цифровую эпо-

ху архивы — это не только пыль и бумага. У нас есть оцифрованные газеты, старые соцсети, даже фрагменты видео с городских камер двадцатилетней давности. Но про твою бабушку там почти ничего нет. Словно кто-то аккуратно стёр её из сети. Или она сама не хотела, чтобы её находили. Элеонор остановилась, вглядываясь в дом, который теперь казался ей не просто наследством, а чем-то вроде запертого сейфа. — А в бумагах? — В бумагах — другое дело. Там она есть. И не просто есть — она словно оставила следы специально для того, кто будет искать. Маркус ждал их на крыльце, как и вчера, будто вообще не уходил. Только теперь в руке у него был не просто фонарь, а старомодный ключ на цепочке — большой, кованный, с причудливым узором. — Ну, заходите, — проворчал он, но в голосе слышалось облегчение. — Дом уже шепчет. Пора бы и людям послушать. Внутри пахло деревом, воском и чуть-чуть — старыми духами. Элеонор замерла на пороге, оглядывая гостиную: массивный шкаф с витражными дверцами, камин с потемневшей от времени лепниной, на стене — ряд фотографий в рамках. На одной из них — та самая женщина с архивной карточки, только моложе, в современном пальто, с телефоном в руке. На фоне — тот же город, но без солнечных панелей, без электрокаров. Будто два времени наложились друг на друга. — Это снято в 2005м, — тихо сказал Маркус, проследив за её взглядом. — Тогда она ещё иногда выходила в город. Потом стала затворницей. Говорила, что мир слишком быстро меняется, а ей нужно вре-

мя, чтобы всё успеть. — Успеть что? — еле слышно спросила Элеонор. Старик помолчал, потом подошёл к шкафу и выдвинул потайной ящик. Внутри лежала толстая тетрадь в кожаном переплёте и небольшая коробка с флешкой. — Она оставила это для наследницы. Сказала: «Когда придёт время, дом сам приведёт её ко мне». Я не понимал, о чём речь, пока не увидел тебя. Адам осторожно взял флешку, повертел в пальцах. — Современные носители, а выглядит как артефакт. — Потому что на ней не просто файлы, — хмуро ответил Маркус. — Там её дневник. И несколько записей, которые она просила передать только тому, кто докажет, что он — свой. Элеонор подошла ближе и коснулась обложки тетради. Пальцы слегка дрожали. — Как я могу это доказать? Маркус посмотрел на неё долгим, внимательным взглядом, потом кивнул кудато в сторону камина. — Посмотри на полку. Там стоит маленькая шкатулка. Если ты сможешь её открыть — значит, ты действительно её наследница. Шкатулка была из тёмного дерева, с тонкой гравировкой.

Элеонор подняла крышку и увидела внутри сложенный листок и кулон на цепочке: серебряный, в форме полумесяца с крошечным камнем посередине. Она взяла его, и в тот же миг в голове вспыхнули обрывки образов: запах лаванды, тихий голос, шепчущий: «Ты всегда найдёшь дорогу домой». — Я... я не знаю, откуда это у меня в голове, — прошептала она, прижимая кулон к груди. Адам быстро глянул на Маркуса, будто спрашивая разрешения, и старик едва за-

метно кивнул. — Дом иногда говорит с теми, кто готов слушать, — сказал он. — Твоя бабушка умела оставлять следы не только на бумаге. Элеонор посмотрела на тетрадь, на флешку, на эти стены, которые вдруг перестали быть чужими. — Тогда я буду слушать, — сказала она твёрдо. — Я хочу знать всё. Даже если это изменит меня навсегда. Элеонор едва успела произнести эти слова, как дом будто вздохнул — не звуком, а тяжестью веков, что легла на плечи. В гостиной потемнело, хотя за окнами ещё держался серый отсвет сумерек. Пламя в камине взметнулось вверх, вычерчивая на стенах тени, слишком длинные и угловатые, чтобы быть просто игрой света. Адам шагнул ближе к Элеонор, инстинктивно заслоняя её, но она покачала головой: не от страха, а от странного, почти пьянящего ощущения — будто она наконец-то вернулась туда, где должна быть. И в этот миг из темноты коридора, из той самой густой тени, что не рассеивалась даже от огня, вышел он. Майкл. Он двигался так бесшумно, что казалось — не шёл, а возникал из мрака, словно сам дом выковал его из своих тайн. Высокий, с лицом, будто высеченным из холодного мрамора, и глазами, в которых отражался не свет, а сама тьма, разбавленная багряным отблеском. На нём был длинный плащ, похожий на одеяние вековой давности, но ткань его мерцала, как будто была соткана из лунного света и пепла. Маркус побледнел и отступил, прижав руку к груди, словно пытаясь удержать сердце на месте. Адам выхватил из кармана небольшой серебряный

амулет — то ли семейную реликвию, то ли самодельный оберег, — и выставил его вперёд. — Стой, — прохрипел Маркус. — Это наследница. Дом признал её. Майкл остановился в трёх шагах от Элеонор. Его взгляд скользнул по кулону на её груди, задержался на дрожащих пальцах, сжимавших тетрадь, и вдруг в его лице мелькнуло что-то, похожее на изумление — мгновенное, как вспышка молнии. Он сделал ещё шаг, и воздух вокруг него стал гуще, тяжелее, пропитанный запахом озона и старой крови. Элеонор не отступила. Вместо этого она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза — и в этот момент мир словно раскололся надвое. Она увидела не только его. Она увидела его прошлое: бесконечные ночи, города, которые росли и рушились, лица, давно стёртые временем. И главное — одиночество, такое глубокое, что оно могло поглотить целый город. Майкл зашипел, отшатнувшись, будто от удара. Его пальцы сжались в кулаки, ногти удлинились, превращаясь в тонкие лезвия. Он хотел броситься на неё — не из злобы, а из ужаса перед тем, что она увидела. Но в следующую секунду его рука замерла в воздухе, а взгляд изменился. В нём вспыхнуло нечто новое — не жажда, не гнев, а изумлённое притяжение, словно он встретил того, кого искал веками. — Ты... — прошептал он, и его голос прозвучал как скрежет камня о камень. — Ты не просто наследница. Ты — её отражение. Её продолжение. В тебе та же сила, та же проклятая, прекрасная искра, что и в ней. Элеонор почувствовала, как кулон на её груди нагрелся,

будто внутри него зажёгся крошечный огонь. Образы в её голове стали чётче: бабушка стояла у окна этого самого дома, смотрела на город и шептала: «Когда придёт тьма, пусть свет будет внутри тебя». — Я не знаю, что это за сила, — тихо сказала Элеонор, не сводя глаз с Майкла. — Но я не позволю ей разрушить меня. Или кого-то ещё. Майкл медленно опустил руку, и когти втянулись, возвращая пальцам вид человеческих. Он склонил голову, не как враг, а как тот, кто впервые за столетия встретил равного. — Ты говоришь так, будто уже знаешь, с чем придётся столкнуться, — процедил он. — А ты даже не представляешь. Дом — это не просто стены. Это ловушка, храм и могила одновременно. И он не отдаст свою наследницу без платы. Маркус тихо кашлянул, пытаясь вернуть себе голос: — Он прав. Дом требует не просто крови, не просто имени. Он требует выбора. И тот, кто его сделает, уже никогда не будет прежним. Адам осторожно положил руку на плечо Элеонор: — Мы можем уйти. Прямо сейчас. Вернуться в город, забыть про всё это. Элеонор покачала головой. Она посмотрела на тетрадь, на флешку, на Майкла, чьи глаза теперь казались не пугающими, а бесконечно усталыми. — Нет, — сказала она твёрдо. — Я пришла сюда, чтобы узнать правду. Даже если она будет стоять мне всего. В этот момент из глубины дома донёсся тихий, едва уловимый звук — будто кто-то провёл пальцем по стеклу. Или по краю лезвия. Тени в коридоре сгустились, образуя силуэт, который не принадлежал ни одному из них. Майкл

резко повернулся, загораживая Элеонор собой, и прошептал так тихо, что слышали только те, кто стоял рядом: — Слишком поздно. Дом уже сделал свой выбор. Теперь он будет защищать тебя... или поглотит. Элеонор сжала кулон в руке, чувствуя, как тепло от него разливается по венам, смешиваясь с холодом, поднимавшимся из самого сердца дома. — Пусть попробует, — прошептала она. — Я готова. Тень, сгустившаяся в коридоре, не спешила обретать форму — она будто колебалась, примеряя разные обличья. И вдруг воздух в комнате дрогнул, как от резкого порыва ветра, хотя окна оставались плотно закрытыми. Майкл, не сводя глаз с тёмного проёма, тихо, почти беззвучно произнёс: — Он знал, что я здесь. Знал и всё равно вёл её прямо ко мне. Не как друг. Как приманку. Элеонор резко обернулась к Адаму, и в груди у неё что-то оборвалось: его поза изменилась. Плечи стали шире, будто кости перестраивались под кожей, пальцы слегка скрючились, а в глазах мелькнул янтарный отсвет — нечеловеческий, звериный. Адам судорожно втянул воздух, будто пытался удержать внутри то, что рвалось наружу, и прошептал: — Прости. Я хотел сказать раньше... но не знал, как. Маркус отшатнулся к стене, прижимая к груди ладонь, словно хотел унять бешено колотящееся сердце. — Оборотень, — прохрипел он, будто выталкивая слово из пересохшего горла. — Все эти ночи он пропадал... я думал, у него дела. А он... он прятал это. Майкл шагнул вперёд, и его силуэт на миг расплылся в мерцающей дымке, подчёркивая,

насколько он чужд этому миру — и насколько хорошо чувствует чужую природу. — Ты не просто оборотень, — его голос звучал холодно, почти равнодушно, но в нём чувствовалась угроза, тяжёлая, как лезвие у горла. — Ты из Стаи Северного Перевала. Я чувствую их метку на тебе. Они не помогают людям. Они используют их. Адам опустил голову, но не от страха — скорее от стыда. Его голос дрожал: — Я не хотел втягивать Элеонор. Но когда она пришла в архив... когда заговорила о наследстве... я понял: этот дом — не просто дом. Он зовёт. И если я не помогу ей пройти, Стая найдёт её первой. Они охотятся на тех, в ком есть кровь Роузенд. Элеонор попятилась, прижимая кулон к груди, будто он мог защитить её от этой правды. — Ты знал про дом? Про бабушку? И ничего не сказал? Адам поднял на неё глаза, и в них мелькнуло отчаяние: — Я боялся, что ты убежишь. А без тебя Стая всё равно пришла бы сюда. Я думал... думал, что смогу держать всё под контролем. Майкл резко повернулся к нему, и в его взгляде сверкнула ледяная ярость: — Держать под контролем? Ты привёл наследницу Роузенд прямо в логово вампира и не предупредил? Ты либо глупец, либо предатель. Адам сжал кулаки, и на костяшках проступили короткие жёсткие волоски — признак надвигающегося превращения. Он стиснул зубы, сдерживая зверя: — Я защищал её! С самого первого дня. Следил, чтобы никто не подошёл слишком близко. Даже когда ты кружил вокруг неё, как стервятник... Майкл усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья: — О, я кру-

жил. Потому что чуял силу. Но я не собирался её убивать. Пока не собирался. А вот Стая... они не оставляют свидетелей. В этот момент шкатулка на полке тихо щёлкнула, будто кто-то провёл по ней когтем. Изнутри донёсся едва уловимый гул — низкий, вибрирующий, проникающий под кожу. Элеонор вздрогнула и прижала пальцы к вискам: в голове снова вспыхнули образы — на этот раз не бабушки, а тёмной улицы, стаи теней, бегущих между домов, и чьих-то глаз, горящих жёлтым огнём. — Они уже здесь, — прошептала она, поднимая взгляд на Адама. — Ты чувствуешь это, да? Адам замер, его ноздри расширились, втягивая воздух. Он медленно кивнул: — Да. Они идут. И они знают, что ты здесь. Майкл неожиданно шагнул к Элеонор и встал так, чтобы заслонить её от коридора, где тьма становилась плотнее, почти осязаемой. — Значит, времени нет, — процедил он. — Дом признал тебя. Стая идёт за тобой. А я... я больше не могу притворяться, что мне всё равно. Он на мгновение прикрыл глаза, и когда снова посмотрел на Элеонор, в его взгляде читалась странная смесь ярости и нежности: — Ты — наследница Роузенд, и в тебе та же проклятая сила, что и в твоей бабушке. Но теперь ты не одна. Даже если эти двое подвели тебя, даже если мир рушится, ты не останешься без защиты. Адам глухо зарычал, сдерживая превращение: — Я не подвёл. Я всё ещё здесь. И я не дам им забрать её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.